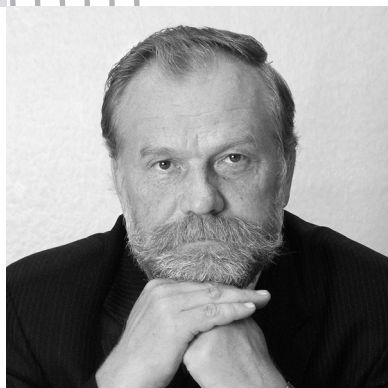

Виктор ПРАВДИН НЕПОБЕДИМЫЙ ЗЛОМ

Роман-версия. Начало

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Час роковой

Воля моя свободна
почти только в одном
избрании добра и зла;
в прочих отношениях
она ограждена отовсюду.

Святитель Игнатий Брянчанинов

1919 г.
Второе апреля,
среда

Председатель исполкома Дисненского уезда Николай Лесковский — человек молодой, слегка выше среднего роста, худощавый, при плохом освещении даже худосочный, с близко посаженными круглыми недоверчивыми глазками на бледном лице. Два дня назад он отметил день рождения, перевалило на двадцать девятый год, и, чтобы придать себе большую представительность и важность, что, по его разумению, прежде всего должно соответствовать занимаемой высокой должности, носит редкие вислые усы медного цвета и такого же тона небольшую козлиную бородку, которую постоянно теребит. Ему кажется, что, зажимая бородку в кулак, он больше похож на человека в себе уверенного, вдумчивого, строгого.

На столе возле массивной чернильницы уже неделю лежат очки с круглыми стеклышками, и служака ради большей важности то и дело цепляет их на длинный, как клюв, нос, чтобы строгим холодным видом если не приструнить, то убедить очередного посетителя в своей начальнической способности решать проблемные задачи и, главное, показать свою принадлежность к коммунистической высокоидейной номенклатуре.

Очки ему не нужны, смотрит через них — и видит общее очертание человека, все вокруг в мутном вязком тумане, но Лесковский от своего

никогда не отступит, он убежден: внешний вид начальника, пускай себе напускной и неискренний, должен если не нагонять страх, то хотя бы создавать полноценное впечатление воинственной строгости. Такой образ он срисовал с товарища Троцкого, которого в ноябре тысяча девятьсот семнадцатого года видел и слушал на митинге в Петрограде, и именно круглые блестящие стеклышки очков больше всего взволновали парня из глухой деревни Капуста под Витебском. Он стоял довольно далеко, крикливые острые слова изредка долетали с порывами зябкого ветра, а вот стеклышки очков на взволнованно-агрессивном лице оратора казались живыми. В скупых лучах вечернего заходящего солнца они полыхали дрожащим фиолетовым огнем, и этот возбуждающий задиристый огонь в какой-то миг неожиданным холодом заполз в душу, непонятным, волнующим трепетом пронзил застывшее тело, вызвал давно забытую уставную необходимость подчинения.

Лесковский до того дня считал себя анархистом и еще в тысяча девятьсот пятнадцатом году, во время мировой войны и службы в царской армии, принял участие в войсковом бунте, чтобы потом со своими единомышленниками оставить передовую и по полной хватануть обещанной агитаторами вольницы на юге России. Побывал в Одессе, даже на некоторое время примкнул к банде Мишки Япончика, но главарь налетчиков требовал от сообщников не формальной дисциплины — он добивался железного безоговорочного подчинения. По тому времени даже осторожный намек на любую дисциплину, хоть бандитскую, хоть революционную, вызывал в душе анархиста Мыколы агрессию и неудержимое желание пугнуть, а то и пульнуть в очередного агитатора из маузера, снятого с убитого им офицера.

В начале тысяча девятьсот семнадцатого года среди анархистов разнеслась молва, что в Петрограде вскоре начнется дележ награбленного буржуями, и, чтобы не оказаться у разбитого корыта, Лесковский помчался в столицу. Из разбойной практики знал: кто первый, тому и достанется большой куш. Так оказался на площади, слушал Троцкого, и внезапно нашло просветление, кто-то невидимый будто прошептал на самое ухо, что человек в очках персонально ему, Николаю Антоновичу Лесковскому, дает возможность железной рукой добывать себе счастье.

«Это знак свыше!..» — так охарактеризовал дезертир нахлынувшие чувства и окончательно сам себя «демобилизировал», а точнее, перестал бояться, что военный трибунал привлечет к ответственности за дезертирство. Кстати, Троцкий запрещал воевать, и это вызвало пламенное, многоголосое «ура-а-а!..». Из его слов, пронизывающих душу и мысли, понял главное: наступает время, когда конфисковать буржуйское добро станет законным правом каждого примкнувшего к большевикам человека. И Лесковский сделал свой выбор.

В Дисне объявился сразу после освобождения города от немцев, в кармане имел партийный билет коммуниста и, на всякий случай, мандат на предъявителя на установление в городе советской власти. Билет был настоящим, а мандат — липовым. Минский знакомый, часовых дел мастер, тютелька в тютельку срисовал с настоящего, пробитого пулей и запачканного кровью. Этот документ вместе с подsummом достался Лесковскому случайно и когда-то принадлежал комиссару, который в том же вагоне, что и он, ехал из Петрограда в Минск. По пути на поезд напали бандиты, комиссару бы приутихнуть, перетерпеть оскорбительное поведение налетчиков, отдать серебряный портсигар, ан нет, завя-

зал перестрелку и погиб. Портсигар забрали налетчики, а мандат, будто оберег, оказался у Лесковского. Оставалось дожидаться удобного момента и вписать в документ свою фамилию и место, где может оказаться он, обладатель важной бумаги. Лесковского самоотверженная трагическая история комиссара ни капельки не волновала, привык: в последние годы смерть всегда была рядом.

Он мог обойтись и без мандата, тем более что для достижения поставленной манящей цели во время полной путаницы, безвластия и разгула преступности достаточно было числиться коммунистом. Он видел, как в Петрограде, Москве и других больших городах России молниеносно вырастали на должностях простые люди и, согласно коммунистическому бравурному гимну, «кто был ничем», становились «ВСЕМ!».

Идея обещанной революционным гимном даровой и обеспеченной жизни болезненной занозой впиалась в лакейскую душу, падкую на чужое и готовую на все, чтобы жить в достатке, а еще, до дрожи в коленках, ему очень хотелось быть похожим на Троцкого, руководить людьми. Навязчивое желание сделалось целью жизни, заветной мечтой: неважно где, хоть в захолустном городе, но стать для местных людей тем самым «ВСЕМ»... Главное — удержаться, не выпасть из партийной обоймы.

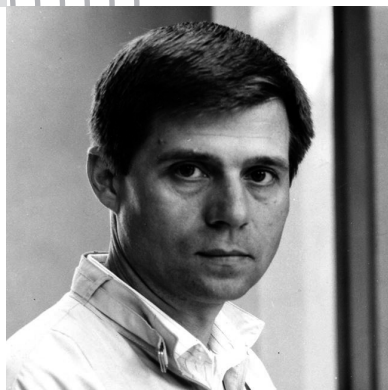
Образование, как многие руководители и товарищи по партии, имел начальное — закончил два класса церковноприходской школы. Заметил, что более высокие начальнические должности преимущественно занимали рабочие с партийным стажем, бывшие недоученные студенты — должности по специальности, а политические заключенные во время царского режима считались самыми подготовленными руководителями, конкурентов им не было. В какой-то момент Лесковский даже подумывал сварганить фальшивую бумажку, что сидел в тюрьме, но остановил страх за возможные последствия, ведь никогда такого документа и в глаза не видел. Неожиданно для него самого проявились организаторские способности. На одном из митингов вылез на трибуну — обычный лафет пушки — и, помня агрессивную, крикливую горячность Троцкого, попробовал кое-что повторить даже в жестах и на людях показать себя убежденным революционером. На память не жаловался, услышанные и особенно прочитанные большевистские прокламации произносил без запинки, и его заметили, начали включать в различные революционные комитеты. Приобретенное в злодейских приключениях ненасытное волчье чутье к чужому добру и на этот раз не подвело. В непростой, почитай, судьбоносный момент жизни показная вера в революцию вышла на первое место, открывались возможности быстрого и безнаказанного обогащения.

Лесковский, между прочим, при всеобщем беззаконии и вседозволенности не изменил прирожденной осторожности. И прежде никогда не порол горячку, даже в банде Мишки Япончика, когда приходилось грабить зажиточных людей, поезда, пароходы... В Одессе было и такое... Он всегда до мелочей продумывал личное участие в каждом налете, ему было важно знать возможные пути отхода, а то и бегства. Никогда не был ни в первых шеренгах нападающих, ни в последних, поэтому оставался живым и возле добычи, как правило, оказывался первым.

Наблюдательность, хитрость, сметливость и мучительное желание стать руководителем (именно это и соответствовало главной цели — выбиться в люди) в какой-то момент заставили Лесковского задуматься: что с ним станет, когда закончится война, а вместе с ней сгинет и безвластие?

Вадим СПРИНЧАН
И СВЕТИТ СВЕТ,
И НЕТ ВО МНЕ
БЕЗВЕРЬЯ...

Стихи

Цвела созвездьями сирень.
И был неповторим и вечен
И этот светлый майский день,
И этот звездный майский вечер.

Весь мир от счастья захмелел.
И заповедовали грозди,
Чтоб каждый, помня о земле, —
Вовек не забывал про звезды.

...Осыпался тот вешний цвет.
Но те слова не отзвучали.
Ведь счастье — неделимый свет:
Свет радости и свет печали.

ПИЦУНДА

Весь день с утра бродил я по горам.
И вышел к морю. Солнце догорало...
И ночь открыла мироздания храм.
Мерцали звуки звездного хора.

Стеной органа уходила ввысь
Сосновая реликтовая роща.
Гремел прибой и будоражил мысль
Своей живой неистощимой мощью.

И в черном небе в этот звездный час
Явился взору светлый образ Баха.
И вся душа с природою слилась, —
Уже освобожденная от страха.

Елена СТЕЛЬМАХ ДЕНЬ МИРА НАСТАНЕТ

Повесть

*Моему двоюродному деду Владимиру Санторовичу,
погибшему 11 сентября 1943 года под Ленинградом,
посвящается*

В семье у Фомы Санторовича появились на свет девять детей. И он хотел десятого. Не потому, что сильно любил круглые цифры (хотя в данном случае десяточка выглядела очень солидно!). Ему хотелось еще родить девочку по причине подрастающих в семье пятерых сыновей и четырех дочек.

— Здесь, по моему мужскому пониманию, должно быть равновесие, — считал неугомонный Фома.

— С меня на деревне уже смеются: «Как ни посмотришь — ты живое все вперед носишь», — перечила мужу утомленная «родильным марафоном» Антонина. — Только и слышу: «Чем это вы аиста приманили? К вам он как угорелый носится», — жаловалась женщина, как подшучивают над ней менее удачливые товарки.

— Это они тебе завидуют, что мужик бравый попался, — гордо вскидывал голову и пошире расправлял плечи самодовольный муж, будучи рослым и весьма жилистым. К такому попадешь — не вырвешься. Да и нет желания лишаться его сладких оков.

— А если снова мальчика забациаешь? — остужала его горячность Антонина.

— Я молока напьюсь — и родится особа женского пола, — парировал ей Фома, знающий, по его мнению, тонкости столь деликатного дела.

...Когда дед Фомы, Степан, дознался о намерении внука жениться, вечером призвал его в свою хату и, лукаво прищурившись, устроил допрос с пристрастием:

— А знаешь ли ты, милок, как с женщиной обходиться?

Не ожидал Фома от деда такого взрослого сакраментального вопроса. Целовался он с Антониной, вдыхал сладкий запах ее дурманящих волос, нежно прижимал тонкий девичий стан к своему возбужденному телу. Горячие руки, осмелев, нырнули бы и под легкую кофточку. Но уж больно строго держалась Антонина. Не позволяла шалить накаленному молодой энергией кавалеру. Она еще толком не ведала, что могло бы случиться, окажись она в большей с ним близости. Но точно знала, что до свадьбы ни на какие Фомкины ласки и хотения не поддастся.

Валентина ПОЛИКАНИНА

ЕСТЬ СВИТОК ВСЕХ ВОСПОМИНАНИЙ...

Стихи

МАМИНА ДЕРЕВНЯ

Для кого же она стала лишнею?
Кто ее — неуступчивый — снес?
Опустелые улы под вишнями
Были знаком покинутых гнезд.

Я ее повидать уж как рада бы...
Только где вы, родня-земляки?
Распахали деревню — нет надобы:
Всех дворов на пять пальцев руки.

А была же когда-то полезною
И кормила себя и район,
Лихо славилась хваткой железною
Да растила пшеницу и лен.

Расспросить бы тех Федоров с Дарьями,
Что от детства ушли своего:
Как войну пережили, мытарилась?
Расспросить бы, да нет никого...

Возродиться деревня не чаяла.
Здесь прохожий — как редкостный гость.
Оттого так по-детски отчаянно
Земляникою плачет погост.

Пуст мамин дом. В дверях затвор непрочен.
Но образ чистый светел, как всегда.
И смотрят мамы праведные очи
Сквозь жизнь и смерть на все твои года,

На почерк твой, что рвется безутешно
В надгробных начертаньях сжечь вину,
На твой надрыв, на твой приезд поспешный,
На волосы твои, на седину...
Хлебнешь печали, лишь беды не трогай.
Все души ходят к близким напрямик.
И ты, почуяв позднюю тревогу,
Прозреешь — и увидишь в тот же миг,
Что зло растет из трещины убогой,
Что грешный мир теряется во мгле,
А мать идет над грязною дорогой —
По воздуху идет, не по земле.
Идет она, как светоч, как спасенье,
Над горестным смешеньем черных вод,
От Рождества идет до Вознесенья,
Плечами подпирая небосвод.

Мечта и радость, путь познаний,
Удач и невезений путь.
Есть свиток всех воспоминаний,
Его нетрудно развернуть...

Как будто прошлым обладаешь,
Вбираешь звук родных имен,
В себе с восторгом наблюдаешь
Перемещение времен.

Тропинка первая качнется,
Тебя подхватит мать, любя, —
И этот мир опять начнется,
Светло начнется для тебя.

Бывает, вспомнишь в вихре кутерьмы
Такое светлое, что даже сердце ахнет!..
Тогда окажется, что и среди зимы
Вдруг яблоком антоновским запахнет.

Захочешь утолить душевный стон,
Чтоб годы жизни не прошли впустую,
В далеком прошлом, словно сладкий сон,
Увидишь храм, иконочку святую.

Людское зло почуяв за версту,
Коснешься Богородицыных лилий
И вспомнишь: за земную доброту
Прапрадеды спасительно молились.

Когда покоя не найдешь нигде,
Когда обидой воспылаешь пылко —

И тут поможет, выручит в беде
Воспоминаний добрая копилка.

* * *

Кирпич надтреснет, капнет батарея,
И скрипнет пол, отпугивая злость.
Да, дом стареет, как и мы, стареет,
Но в каждой вещи детство улеглось,

Приноровилось к веку, примостилось
И смотрит с любопытством на «сейчас».
Глазасто блюдце: бабушкина милость
В него вливалась, как за чаем — час.

Над старым домом, разгоняя тучи,
Смеется солнце, ласки не тая.
Зовет к обеду ладный дедов стульчик:
«Присаживайся, внученька моя!»

Весь прошлый мир из добрых мыслей соткан.
Дух детства жив — предание старо.
И до сих пор родительские окна —
Как очи ближних с четырех сторон.

* * *

Холод выстудил поле до сини.
На душе растворилась печаль.
Бесприютная серая даль
Да по-зимнему голый осинник.

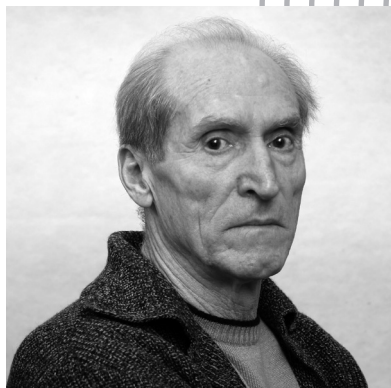
Перепаханы стужей следы,
Вьюгой скошены черные травы.
По какому-то дикому праву
Воцарились над речкою льды.

Ни намек на солнечный луч.
Не погода, а злая насмешка:
Неотвязно, с дождем вперемежку,
Сыплет снег с обесцвеченных туч.

Землю медленно сводит с ума,
Заявившись хмельным на рассвете,
Сероглазый и взбалмошный ветер —
Постоялец твой вечный, зима.

АДАЖИО

К чему весь хлам, когда души не нажито...
Не ночь была, а поиск слов — к «Адажио»,
Тому, что Альбинони написал,
Как вечный плач, без суеты и паники.

Олег ЖДАН-ПУШКИН

ВРЕМЯ ИДЕТ

Рассказ

Время дня было самое тревожное: четверть второго, вот-вот явится на обед дочка. И если суп покажется слишком горячим или остывшим... Нет, ничего не случится, просто ляжет на диван лицом в подушку и пролежит весь обеденный перерыв. Поэтому надо внимательно прислушиваться к хлопкам двери, к шагам на лестнице или выглянуть в форточку — на остановку троллейбуса. Последнее, однако, дело опасное, прошлый раз дочка застала ее вот так, почти до пояса за окном, и... Нет, опять же, ничего не случилось, но... «Гос-по-ди!» — произнесла. И было понятно, что относится восклицание не столько к матери, к ее голове в форточке, сколько к их жизни вообще. Ну, а прожили они вместе немало — в воскресенье будет тому сорок лет.

То-то и оно, что сорок. То-то и оно, что в воскресенье, то есть через два дня. Время идет.

Она все-таки выглянула в форточку, но ничего, конечно, не увидела: далековато, людно. Однако троллейбус на остановке стоял. Скорее всего, дочка приехала, значит, пора наливать. Интересно, в каком настроении будет, улыбнется или нахмурится? Все и всегда зависит лишь от первого мгновения, но мгновение это, к сожалению, не всегда зависит от человека: хочет улыбнуться — хмурится, хочет сказать «да» — говорит «нет». По-настоящему все — и мгновение, и жизнь — зависит от Бога, но Бог все же далековато, он приближается к человеку, только если — беда.

От остановки до двери квартиры пять-шесть минут ходьбы — не было дочки и через десять. А когда поняла, что поздно и на обед она не придет, вздохнула с облегчением.

Были в их долгой совместной жизни некоторые проблемы.

Собственно, покажите нам человека без проблем. Это либо младенец, впервые прикоснувшийся к груди матери, либо... Ну да, который уже за горизонтом. Так что все в порядке, все как у всех и как должно быть. Давно сказано: жизнь — минное поле. Но есть мины замаскированные, а есть открытые. Замаскированные — это те, которые подкладывают друг другу люди, а открытые — это, например, дни рождения. Задача в том, чтобы обезвредить, и тогда можно некоторое время спокойно шагать

дальше. Ну а поскольку они с дочкой долго не знали, что это мины, то и весело играли с ними, и созывали гостей на игру. Это уже позже, когда приближались к тридцатому, дочка поинтересовалась: «Не надоело?» Ну а через год прямо сказала: «Хватит. Поиграли».

Голос у дочери низкий, почти мужской, а когда начала курить, стал еще ниже, и теперь люди удивлялись, увидев, что это женщина. Еще и нежный пушок на губе, что так украшал в юности, потемнел, загрубел. Что ж, время идет.

Ощущение было такое, что с каждым годом опасный заряд увеличивается, а на круглые даты еще и особо хитро маскируются взрыватели, надо немало подумать над тем, как опасность снова превратить в игру. Тем не менее и после тридцати пяти они продолжали готовиться к этим дням, правда, по-разному. Одна — в непримиримом ожидании, другая... да, как на минном поле: поднимет ногу — опустит, поднимет — опустит. Вон и край виден. Как же там хорошо, покойно. И до следующего поля — целый год, то есть вечность.

И вот — сорок.

Страшно это звучит — сорок. Не пять, не десять, не пятнадцать ее девочке, а сорок. Конечно, если бы семья, дети — тогда иное дело, а так — страшно.

И никогда не предугадаешь, как закончится он, день рождения. Пять лет назад, когда, казалось, все хорошо, славно, едва ухнул их старинный скрипучий лифт в преисподнюю, дочка закрыла лицо руками: «Я же просила тебя. Я же просила!» Хорошо бы затаиться и как бы не заметить его, пускай приходит-уходит, раз уж не бывает иначе. После того как придет-уйдет, гораздо проще жить. Но нет, затаиться нельзя. Однажды затаилась, а только легла — что там, во тьме? Подкралась к двери — дочь всхлипывала, бормотала, сморкалась. Чуть не до рассвета стояла за дверью.

Два дня оставалось, а она еще не решила, что приготовить, кого пригласить. Когда-то это и было самое интересное: вместе ходили по магазинам, вместе готовили какое-нибудь особенное блюдо, обдумывали, кого пригласить из девочек, кого — из мальчиков. Позже, после института, она все это совершала одна, тайно, и в этом тоже была своя игра: еще вчера день был обычный, будний, а проснулась — праздник. Однако после тридцать пятого... Нет, после тридцать шестого. Именно тогда впервые в доме не оказалось гостей. Дочка отказалась ужинать, а увидев, что мать входит с дрожащим стаканом чая на блюдечке, яростно взметнулась с дивана: «Закрой дверь!» Собственно, она уже давно не входила в ее комнату, даже телевизор смотрела лишь в первой половине дня. Нет, дочка не прогнала бы, если б села смотреть, не в этом дело, а в том, что... Не понимала, что там делается на экране, если рядом — дочь.

Последние годы никто не приходил к ним, но телефоны и адреса в семейной записной книжке сохранились, и она уже позвонила по нескольким номерам. Картина пока была неясная. Кое-кто и вовсе не проживал по старому адресу, у кого-то поменялись номера телефонов, а были и такие, что не могли взять в толк: кто звонит, что за событие?

Молчаливо ждать катастрофу она не могла и решила пойти на риск: пригласить как можно больше людей и, соответственно, накрыть стол. Провести такую подготовку тайно, разумеется, невозможно, но можно отсрочить разоблачение: закуски приготовить в последнюю ночь. Что касается гостей, одним из них решила звонить, другим послать

открытку-приглашение, но были и такие, которых следовало навестить. Вот только — когда? Днем не застать, а вечером уйти из дома непросто, дочь сразу спросит — куда. Вернувшись с работы, она садилась в кресло перед телевизором и уже не поднималась до сна. Так замкнулась, что даже к телефону не подходила. «Кто звонил?» И кто бы ни был, никаких чувств не отражалось на крупном белом лице.

Еще проблема — вино. Давным-давно, лет пятнадцать, а то и двадцать назад, дочка восхищалась каким-то иностранным вином — не то французским, не то итальянским. Похоже, некая романтическая история была связана с ним. Это вино и следовало добыть. Название она, конечно, забыла, но звучание слова помнила и уже посетила несколько магазинов, подолгу вглядываясь в красивые этикетки. «Как это вино называется? А это?» Порой отвечали терпеливо, порой шутили, дескать, вам, уважаемая мамаша, больше подойдет в овощном плодово-ягодное. Можно было бы спросить у дочери то название, но, во-первых, хотелось сделать сюрприз, во-вторых, кто знает, как ей придется такой вопрос. Не предугадаешь, улыбнется или вспыхнет, как порох.

Еще на столе будет молдавский коньяк — красивая высокая бутылка, которую она купила полгода назад, поднакопив денег. Она хранила его в укромном месте, среди своих носильных вещей, там, куда никогда не заглядывает дочка. Тем не менее каждый день проверяла, стоит ли... Дело в том, что давно уже обнаружила: дочь выпивает по вечерам в одиночестве. Сперва выпивала по глоточку, а теперь и по рюмочке. Сперва бутылки водки хватало на месяц, затем на полмесяца, а теперь могла выпить за несколько дней. Однако говорить с ней об этом она просто боялась.

Конечно же, надо купить и бутылку шампанского, и коробку хороших конфет. Деньги на все это были отложены и хранились там же, среди носильных вещей. Дело в том, что... Да, однажды она вынуждена была признаться себе: дочка понемногу берет отложенные на хозяйство деньги. Но что делать, если зарплата небольшая, а сигареты и водка дороже с каждым днем.

По-видимому, люди встречаются чаще, нежели кажется, но, занятые собой, не замечают друг друга. Этим же, скорее всего, объясняется «закон парных сочетаний»: встретил знакомого сегодня — почти наверняка встретишь скоро его опять. В гастрономе она увидела школьную подружку дочери. Когда-то они были так влюблены друг в друга, что и во время уроков держались за руки, пока зов плоти не разъединил их. В институтские годы опять было подружиться. А уж лет через пять после окончания между ними произошло нечто, о чем можно только догадываться.

Подойти в гастрономе не решилась, но в тот же день отыскиала старую записную книжку, а в ней — адрес и телефон. Позвонила, и голос прозвучал ясно, близко. Она положила трубку. На другой день позвонила снова и опять не смогла говорить: голос был так мягок, доброжелателен. «Алло, алло, я слушаю, слушаю вас!» — будто ждала звонка какого-то необходимого человека, невозможно было присоединиться к току добра, исходившему от нее.

Вдруг она решила пойти к ней. Разговор лицом к лицу — совсем иное. Тут не будет загадки, все будет как есть. Если не изменился номер телефона, значит, и живут там же. В школьные годы ей частенько прихо-

дилось ходить за дочкой — засиживалась до полуночи, а потом опасливо бежала по пустынному городу.

Если дочь поинтересуется, где была, решила соврать, будто ходила на служение, хотя это тоже рассердит ее: терпеть не может баптистов. Сама она тоже с сомнением относилась к их церкви, а по праздникам заглядывала в ближайший православный храм, — так и в тот памятный день, вербное воскресенье. Она принесла освященные прутья и легонько стегнула дочку раз, другой, третий... ну, может быть, чуть сильнее, нежели в шутку, такая традиция — верба хлест, бей до слез, — но дочка вдруг выхватила ветки, швырнула в угол, а ее — за шиворот и за дверь. Она даже не поняла, что уже за дверью, на лестничной площадке, а когда поняла... Ключа с собой не было, и она спустилась на лифте, пошла по улице. Тут-то и остановила ее незнакомая женщина: «Сестра, что случилось? Помочь тебе? Идем со мной...»

Не помнила ни номера дома, ни квартиры подруги, но остановилась именно перед той дверью, что надо, и даже рука потянулась к звонку на привычную высоту. Все та же обшарпанная площадка, даже обивка двери прежняя, лишь потрескалась по краям и вокруг замка. Отца у них не было, нет, судя по обивке, и мужа...

Она, конечно, не сразу узнала постаревшую мать бывшей подруги, тем более что и близорука была, и лампочка на площадке едва тлела. А когда узнала — перепугалась, аж задохнулась: «Что? Что?» И в самом деле: без предварительного звонка, на лестничной площадке, спустя десять лет... Постаревший на десять лет человек поначалу вызывает тревогу. Всем кажется — что-то случилось, никто не хочет думать, что причина тревоги проста: время идет.

— Не волнуйтесь, все хорошо.

Ободряюще улыбалась, но подруга не верила ни словам, ни улыбке, хотя, казалось бы, что ей? Так уж, видимо, устроена психика каждого человека: сперва страх, попытка понять границы чужой беды — не коснется ли самого, а сочувствие — потом, позже.

Отступала в квартиру, приглашая войти, а все равно тревожно вглядывалась в лицо. Когда же поверила, что ничего не случилось, обрадовалась — опять же, будто это мимо нее пронесло беду.

— Давайте чаю, а? — а сама уже заваривала, расставляла чашки и блюдечки, делала бутерброды. И пока хлопотала на кухне, гостя сидела в старом, простеньком жестковатом кресле и оглядывалась, пытаясь составить представление о ее жизни.

Да, мужчины в доме не было. Не было и детей — ни игрушек, ни детских книжек, ни одежек или обуви в прихожей. Хотя, быть может, такая вот идеально аккуратная, домовитая женщина.

Разлила чай в красивые «гостевые» чашечки, села напротив.

— Ну не просто же так вы пришли. Скажите, а то мне страшно.

И она сказала. А поскольку от лица женщины сразу же потянуло холодком растерянности и печали, она стала торопливо рассказывать, что уже купила молдавский коньяк и шампанское, а теперь ищет это итальянское или французское вино, а названия его не помнит, что дочка ничего не знает о ее приготовлениях, что будут и одноклассники, и однокурсники, и... И все говорила и говорила, потому что боялась замолчать, предугадывая ответ.

— Но как же я приду к вам?.. У меня давно в душе ничего не осталось, перегорело. Вы разве не знаете, что она сломала мне жизнь?..

Наталья ЧЕРТОПОЛОВА

МОЛИТВА О СНЕГЕ

Стихи

А за окном, а за окном
Все сыплет дождиком.
И плачет двор, и плачет клен
Слезами Божьими.

Так переменчива зима.
А сердцу хочется,
Чтоб тихо снег укрыл дома,
Мосты и площади.

Асфальт покроет под ногой,
Вздохнет, уляжется...
И светлой лентой тугой
Печаль завяжется.

Но дождик сыплет, как слова,
На лист доверчиво.
Как переменчива зима,
Как переменчива...

Здравствуй, даль моя заветная,
Тихий город детских грез,
Где сияют так приветливо
Фонари вечерних звезд.

Где снежок летит, над крышами
Ангел машет нам крылом...
И молитвою неслышную
Обнимает теплый дом.

«Вот и указали бы мне на такой “ляп”»: полевическая переписка Владимира Короткевича с Николаем Лосинским

В год 95-летия Владимира Короткевича журнал продолжает знакомить читателей с новыми, обнаруженными в последнее время или не опубликованными до сих пор по различным причинам текстами писателя, как художественными, так и связанными с его жизнью и творчеством.

И в этот раз найденные в архивах материалы касаются непосредственно «Нёмана» и опубликованной в 1979 г. в №№ 6—8 журнала в переводе на русский язык Валентиной Щедриной повести «Дикая охота короля Стаха». Именно эта публикация заставила Николая Лосинского написать в редакцию. Николай Лосинский — кандидат исторических наук (1972), тема его диссертации: «Революционное народническое движение Белоруссии 1870—1884 гг.». Письмо не датировано, но стоит входящий № 736 и дата поступления: 24.X-79 г. Тогда, вероятно, главный редактор Анатолий Кудравец и передал послание Владимиру Короткевичу.

В отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки им. Якуба Коласа НАН Беларуси (ф. 11, оп. 2, ед. хр. 1103) хранятся два письма Николая Лосинского (второе датировано 21 ноября 1979 г.) и два адресованных ему письма-ответа Владимиру Короткевичу.

Накал страстей в переписке провоцируют и понимание писателем определенных недостатков в тексте повести, вызванных, в частности, некачественным переводом, и поучительный, назидательный тон письма читателя. Например, общепринято в переводческой традиции имена собственные передавать с использованием транслитерации и практической транскрипции, т. е. имя героини должно было сразу быть Надея, как и название места — Болотные Ялины, а не Болотные Ели. Замечание Лосинского относительно количества поколений Короткевич частично принимает, не соглашаясь, однако, с сорока годами, приходящимися на поколение. Сегодня, кстати, ученые придерживаются концепции четырех поколений в столетии. В книгах «Вока тайфуна» (1974) и «З вякоў мінулых» (1978) из домашней библиотеки писателя его рукой изменено количество поколений: 20 на 12, и в дальнейшем 12 фигурирует в книгах на русском языке «Седая легенда» (Москва, 1981) и «Дикая охота короля Стаха» (Минск, 1983). Ликвидировано также упоминание о тараканах, наличие которых в 80-е гг. XIX века в Беларуси не было зафиксировано, но причиной этой правки была не переписка с Лосинским.

К сожалению, указанные изменения затронули только переводы повести на русский язык — все белорусскоязычные издания, включая т. 7 (1990) Собрания сочинений (в 8 т.), печатались на основании текста книги «З вякоў мінулых» вплоть до 2013 г., когда вышел т. 4 нового Собрания сочинений Владимира Короткевича (в 25 т.).

Другие замечания читателя Николая Лосинского вполне можно считать придирками, на что указывает и Владимир Короткевич. Кроме того, еще раньше, в 1976 г., он написал на белорусском языке «Некаторыя тлумачэнні наконт рэцэнзій В. Мясешкі на маю п'есу “Званы Віцебска”», где отметил (перевод наш. — П. Ж.): «Так подходить к художественному

произведению нельзя. Потому что художник подходит к истории как художник, а не как историк. И поэтому историкам, не понимающим, что такое литература, книги на рецензии давать нельзя». И еще один фрагмент, ясно отражающий позицию Владимира Короткевича о том, в каких отношениях должны быть история и литература: «Не судите нас, ученые, по законам, созданным для вас. Чтобы не достучаться до того, что мы, литераторы, начнем судить вас по нашим законам.

Законам, по которым мы заставим вас писать многотомные научные труды (с комментариями) о том, кто были предки Дон Кихота, в какой местности родился Тиль, какого цвета была сорочка у Иванушки-дурачка и какой масти был Конек-Горбунок.

Вот раздолье было бы для генеалогов, географов, специалистов по костюму и знатоков коневодства!

Только вряд ли согласились бы на это ученые. Настоящие.

Так не приставайте с этим к литераторам.

Тоже не всегда ненастоящих».

Кстати, Владимир Короткевич дает возможность исследователям его жизни и творчества разгадать еще одну загадку. Он пишет: «"Охота" написана в 1949 году, когда мне было 19...», а в корректуре повести отмечен 1950 г. Скорее всего, это был все-таки 1950 г., т. к. повесть писалась летом на чердаке сарая в Орше, а 19 лет будущему писателю исполнилось 26 ноября 1949 г.

Что ж, предлагая читателю данные письма, надеемся, что он сам определит, к какому крылу примкнуть в споре.

Петр ЖОЛНЕРОВИЧ

Письмо № 1

Уважаемый тов. РЕДАКТОР!

В журнале за 1979 г. (№ 6—8) опубликована повесть В. Короткевича «Дикая охота короля Стаха». При ее чтении возникает ряд вопросов, на которые, при Вашем любезном содействии, хотелось бы получить ответы. Они необходимы для более объективного рецензирования повести и могут оказать помощь автору в случае переиздания произведения.

Итак, прошу разъяснить:

1. Сюжетная завязка — убийство Романом Старым короля Стаха — 1602 год. За 286 лет (1888—1602), по мнению автора, сменилось 20 поколений (колен) рода Яновских. На одно поколение он, следовательно, отводит 14 лет (286:20=14). Но какое же может быть поколение, равное 14 годам?! Всегда считалось и считается средняя продолжительность поколения 40 лет. И это логично, ибо, родившись, человек в среднем через 20 лет производит потомство, для роста и возмужания которого требуется еще 20 лет. При таком подходе для 20 поколений Яновских нужно 800 лет и описываемые события должны были происходить в 2402 году (1602+800) или убийство короля Стаха должно было иметь место около 1088 года (1888—800), когда и рода Яновских не было. Следуя научной логике, король Стах должен проклинать род Яновских не на 20 колен, а на 7! Тогда у автора концы с концами сойдутся (это мой совет. — Н. Л.). Но, может быть, у автора и редактора издания на этот счет имеются какие-то другие соображения?

2. Почему в первой половине повести Яновская именуется Надеждой Романовной, а во второй — Надеей Романовной? Или это вина переводчика и редактора?

«Я тоже мечтал...»

Интервью с писателем Анатолем Зэковым

Зэков Анатолий Николаевич (Анатолий Зэков) родился 20 января 1955 года в деревне Потаповка Буда-Кошелевского района Гомельской области. Поэт, прозаик, публицист, критик, сатирик, юморист, детский писатель. Автор более 40 книг для детей и взрослых. Член ОО «Союз писателей Беларуси». Лауреат литературных премий имени Янки Мавра Минского городского отделения ОО «Союз писателей Беларуси» и имени Василя Витки редакции журнала «Вясёлка», республиканской литературной премии «Золотой Купидон». Награжден медалью Франциска Скорины. Автор текста Гимна лесоводов Беларуси, либретто спектаклей «Жизнь и смерть Янки Купалы» и «Комедия», поставленных в Белорусском государственном академическом музыкальном театре. Почетный гражданин Буда-Кошелевского района.

В 1977 году окончил историко-филологический факультет Гомельского государственного университета. Будучи студентом пятого курса, работал корреспондентом гомельской районной газеты «Маяк». С 1977 по 1980 год — заведующий организационным отделом, второй секретарь Гомельского райкома комсомола. Направлен на учебу в Высшую комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ (Москва). С 1982 по 1985 год работал в ЦК ЛКСМ Беларуси, с 1985 по 1990-й — в редакции республиканской молодежной газеты «Чырвоная змена». Затем возглавлял минскую городскую газету «Добры вечар» и еженедельник «Сталіца», работал заместителем главного редактора еженедельника «Книга и мы», главным редактором «Белорусской лесной газеты», в редакциях журналов «Вожык», «Полымя», «Вясёлка», в издательстве «Мастацкая літаратура».

— Твоя малая родина — деревня Потаповка Буда-Кошелевского района, откуда еще раньше, в 60—70-х, пришли в литературу поэт и драматург Владимир Дзюба и прозаик Татьяна Гореликова. Тебе, тогда еще начинающему поэту, было на кого равняться, не так ли?

— Безусловно. Ведь одно дело, когда молодому автору советуют учиться у классиков, и это правильно. И совсем другое, когда ощущаешь, что писатели рождаются не только где-то далеко, но и твоя родная земля не такая уж бесплодная. Значит, и ты можешь к чему-то стремиться, чего-то достичь. Мол, и я же хожу теми самыми стежками-дорожками, которыми ходили в детстве и юности они, и я учусь в той же школе и у тех же учителей, что и они. Читая стихи Володи и рассказы Татьяны (кстати, всем нам троим белорусскую литературу и язык преподавала одна и та же учительница Ульяна Федоровна Лазовенко), я тоже мечтал, что когда-нибудь увижу и свое имя в газетах и журналах...

— Когда впервые понял, что литературное творчество — твое призвание? В каких жанрах начинал?

— Как-то сами по себе пришли стихи. Возможно потому, что регулярно прочитывал литературные странички, которые печатались в районной газете «Авангард», поэтические сборники... Особенно любил тонкие книжонки, издаваемые «Мастацкай літаратурай» в серии «Першая кніга паэта». Конечно, читал и солидных авторов, причем никого не выделяя, так сказать, без разбора. Удивлялся, как это у них так складно получается, словно песня. Класе в четвертом попробовал рифмовать и сам. Послал в районку. В литературной страничке неожиданно увидел свою фамилию — нет, не под стихами, а в обзоре тогдашнего руководителя литобъединения Владимира Бобкова. Там указывалось на недостатки в моих стихах. Но я был такой счастливый, ведь впервые увидел свою фамилию в печати. Учительница Ульяна Федоровна Лазовенко, правда, пожурела слегка, что не посоветовался с ней, мол, что-нибудь и подсказала бы.

А с седьмого класса уже начал активно печататься в районной газете — и со стихами, и с заметками, различного рода информацией. Писал о школьных мероприятиях, совхозных делах, жизни односельчан. Даже был избран на областной семинар рабселькоров.

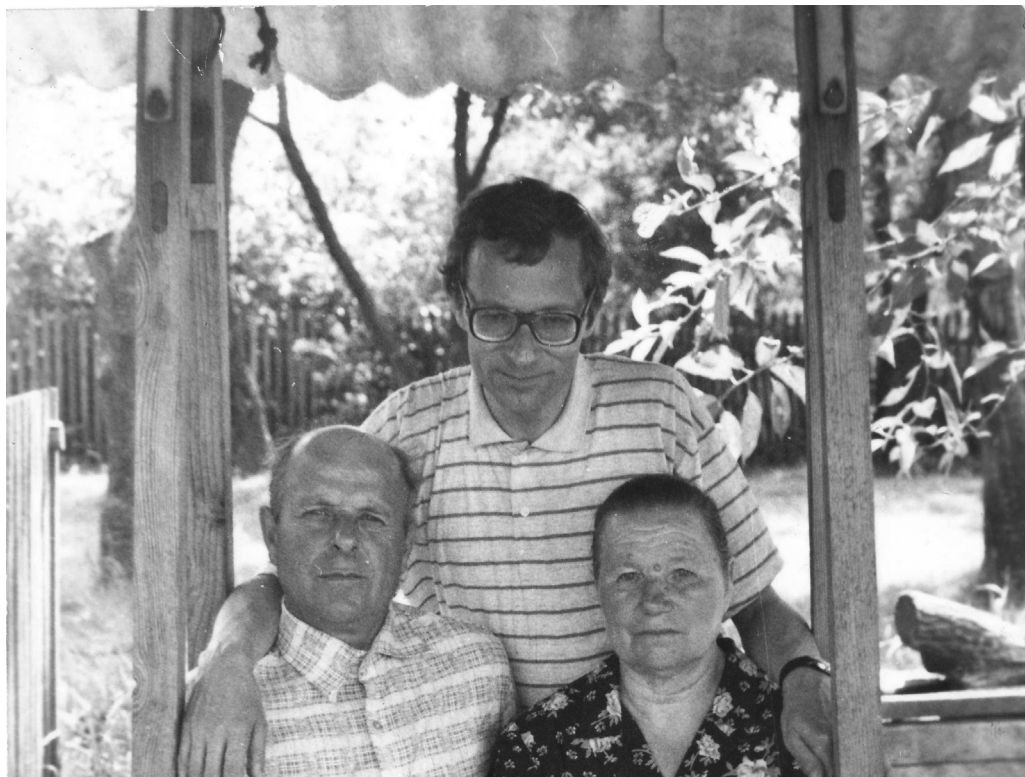
Первое же мое стихотворение «Беларусь» напечатала республиканская газета «Піянер Беларусі». Мне тогда было четырнадцать лет. А вскоре стихи стали появляться и в журнале «Бярозка», где в то время литсотрудником работал мой буда-кошелевский земляк Микола Чернявский.

— Помнится, в одном из интервью ты признавался, что читать научился довольно поздно. В чем была сложность, в запоминании букв?

— Буквы-то я знал, но почему-то никак не мог сложить их в слова и предложения. А вот пойти в школу, не выучив уроки, не мог. Мать сидела рядом, водила пальцем по тексту, а я запоминал. И так по несколько раз, пока не запомню. Прочитанное просто заучивал. Учительница Мария Павловна Гришкова вскоре догадалась и стала просить меня пропустить первое предложение и начать читать со следующего. Я в мыслях

прогонял то, что нужно было пропустить, и, спустя паузу, включал голос на требуемом.

Зато когда научился читать, с книгами не расставался. Брал их и в школьной, и в сельской библиотеках, порой читал еще по дороге домой. Читал, лежа на печке при керосиновой лампе, потому что электричества в мои первые школьные годы в деревне еще не было. Бабушка Марфа сердилась, что излишне сжигаю керосин, а мать — что порчу глаза (и в самом деле уже с седьмого класса ношу очки).

Анатолий Зэкков с родителями

Мать, кстати, до войны окончила четыре класса, а потом еще трижды по четыре с нами, своими детьми: со мной, Галей и Петей. Сидела рядом, пока мы делали уроки, помогала разобраться с непрым заданием, проверяла арифметические задачки и орфографию в написанных текстах, вместе с нами наизусть разучивала стихи.

— Первые мечты — о чем?

— Да о чем только не мечталось! Одно время даже хотел стать режиссером, нет, не актером, а именно режиссером. Но жена двоюродного брата, актриса Гомельского облдрамтеатра Вера Шевелева, враз «похоронила» эти мои устремления, сказав: «Чтобы стать хорошим режиссером, необходимо сначала побывать в актерской шкуре». А в актеры меня не тянуло.

Перекинулся на журналистику, но поехать в Минск не отважился. Я-то дальше Гомеля и не бывал нигде, и то в основном с матерью. Да и немецкий язык на вступительных экзаменах надо было сдавать, а у

меня с ним не совсем ладилось, тем более что в десятом классе из-за отсутствия учительницы предмет как следовало бы не преподавался. Огорчился, правда, но в редакции районной газеты успокоили: в журналистике можно работать и без журналистского образования, главное — умение писать. А писать, если кому-то не дано, все равно не научат.

— И ты внял совету старших товарищей?

— Остановил свой выбор на историко-филологическом факультете Гомельского государственного университета. Там ходил на заседания литобъединения «Крыніцы», было еще и литобъединение «Росквіт», при «Гомельской праўдзе» — «Рунь». Кафедрой белорусской литературы в ГГУ заведовал профессор Микола Гринчик, белорусскую литературу преподавали кандидат филологических наук Микола Янковский и молодой аспирант, поэт Виктор Ярец, которые поддерживали начинающих поэтов-студентов. Помню, приходит как-то Гринчик на лекцию, а я сижу на галерке, и, увидев меня, говорит: «А ты почему здесь?» — «Так лекция же», — отвечаю. А он, показывая на аудиторию: «Это для них лекция, для будущих учителей, а ты иди пиши стихи». Николай Михайлович спас меня и на четвертом курсе, когда немка Коржавина Раиса Евлампьевна не поставила мне зачет по языку и я не был допущен к экзаменам, а значит — грозило отчисление. Я уже и работу подыскивать себе стал, благо завроно в Буда-Кошелево работал бывший завуч нашей школы Владимир Никитич Голубцов.

Будучи студентом, активно печатался в университетской многотиражке, «Гомельской праўдзе», где многие годы неизменно литературой занимался настоящий мэтр, известный писатель Михась Даниленко, с подачи которого я впервые заявил о себе и как критик. В газете была рубрика «Кнігі нашых землякоў», и Михась Петрович периодически подбрасывал мне такие книги с предложением написать о них. И я писал. О книгах Павлюка Пранузы, Миколы Чернявского, Владимира Липского, Владимира Дзюбы, Михася Стригалева и других.

— Первая книжка... Когда и о чем? Какие чувства испытал, взяв ее в руки?

— Тогда до первой книжки было еще далеко. Впервые пятнадцать моих стихов были размещены в 1984 году в коллективном сборнике «Крыло» в серии «Першая кніга паэта» издательства «Мастацкая літаратура» наряду с произведениями еще семнадцати авторов, среди которых — Микола Метлицкий, Василь Сахарчук, Владимир Мороз, Владимир Степан, Микола Шабович, Таиса Мельченко, Евгений Городницкий... Отдельные авторы потом издали свои книги, заняв достойное место в литературе, а кто-то довольствовался и этим. Конечно, я мечтал о собственной книге в этой серии, но вышло как вышло. Все равно на душе было радостно.

А вот первая самостоятельная книга «Боль сумления» увидела свет в 1989 году в серии «Бібліятэка часопіса “Маладосць”» с подачи незабвенного главного редактора Анатолия Гречаникова. В данном случае радости было намного больше.

Светлана АНАНЬЕВА, Алесь КАРЛЮКЕВИЧ

Казахская проза на белорусском языке: проблема перевода и границы непереводимого¹

175-летию со дня рождения великого казахского поэта, мыслителя, философа Абая Кунанбаева и 75-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящен первый в истории казахско-белорусского литературного сотрудничества литературно-художественный альманах «Казахстан — Беларусь». Открывает его приветствие Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Казахстан в Республике Беларусь Аскара Бейсенбаева «Словом сближая народы», в котором он отмечает масштабность и уникальность проекта по переводу «Антологии современной казахской литературы» на шесть языков ООН. Произведения 61 автора «стали доступны 2,5 миллиардам читателей в более чем 90 странах мира, расположенных на пяти континентах. Как отметил глава Казахстана Касым-Жомарт Токаев, в истории казахской литературы это стало беспрецедентным событием: расширились горизонты казахской литературы, которая входит в глобальное литературное пространство»².

Альманах «Казахстан — Беларусь» подобрал «мудрость, силу и красоту слов, звучащих на трех языках — казахском, белорусском и русском. На языках евразийского пространства, богатого историей, отмеченного самобытностью культур, хранящего наследие великих мастеров художественного слова, взрастившего не одно поколение талантливых поэтов, прозаиков, драматургов»³. Историко-культурная преемственность в современном сотрудничестве наших стран остается главным вектором развития. Осмысление современности подразумевает «полноту смысловых интенций, отсылающих к сбалансированности и непротиворечивости бинарных оппозиций “спонтанное — системное”, “традиция — новизна”, “устаревшее — обновляемое”», — полагает современный российский литературовед К. Султанов⁴.

Образ мыслителя — поэта, ученого, педагога — всегда та точка отсчета, от которой расходятся лучи знаний и стягиваются к выдающейся личности. Интеллектуальные тропы связывают представителей когорты избранных, тех, кто претворяет бесстрашно свои идеи в жизнь. Масштаб личности предопределяет многое в ее судьбе. Великому ученому-энциклопедисту Абу Наср аль-Фараби, чье 1150-летие широко отмечалось в 2020 году, посвящает свое исследование известный востоковед, лауреат

¹ Окончание. Начало в № 12 за 2024 г.

² Бейсенбаев, А. Словом сближая народы // Казахстан — Беларусь : Литературный альманах. — Алматы : Жибек Жолы, 2020. — С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Султанов, К. Преемственность или разрыв — третьего не дано : традиция как духовный ресурс // Национальная литература России в поликультурном пространстве : духовно-нравственный и консолидирующий потенциал. — Элиста : КалмНЦ РАН, 2019. — С. 15.

многих престижных зарубежных наград Абсаттар Дербисали: «Научная слава Абу Насра из средневекового казахского города Отрар распространилась в XI—XII веках по всему миру»¹. Труды аль-Фараби «приближают к нам философское и общекультурное наследие греческой античности и мусульманского ренессанса, а также, если учесть влияние его работ через аверроистов на Спинозу и французских материалистов, — общественно-философские идеи Западной Европы», — убежден М. М. Ауэзов, автор эссе «Аль-Фараби» из цикла «Языковое инобытие в процессе “обретения себя”»². Именно эти статьи открывают литературоведческий раздел альманаха, в котором представлены исследования литературоведов и искусствоведов двух стран.

О переключке через века великих гениев и просветителей Востока и Запада аль-Фараби и Франциска Скорины, о вечных строках Абая, Купалы, Коласа, Жамбыла, о породненности «наших народов на целинном хлебном поле и на поле брани — в Великой Отечественной войне, в истории которой остались имена освобождавших Беларусь писателей А. Шарипова, Ж. Молдагалиева, К. Токаева, С. Сеитова, М. Алимбаева, Л. Скалковского, К. Аманжолова», пишет в обращении к читателям альманаха «Питающие нас истоки» председатель правления Союза писателей Казахстана, лауреат Государственной премии Республики Казахстан, поэт Улыкбек Есдаулет³.

Наши культуры и литературы связывают личности уникальные, разносторонне, энциклопедически образованные, ренессансного масштаба. Одним из первых на восточнославянских землях Франциск Скорина «выступал за диалог и сближение, осуждал нетерпимость и религиозный фанатизм. Он мечтал о таком времени, когда на земле будут торжествовать мир, справедливость, равные возможности для людей, взаимоуважение между нациями», — резюмирует в статье «Франциск Скорина — культовая личность национальной литературы» директор Института литературоведения имени Янки Купалы НАН Республики Беларусь, лауреат Межгосударственной премии «Звезды содружества» Иван Саверченко⁴. В уникальную антологию «Францыск Скарына на мовах народаў свету» вошли переводы классика белорусской литературы на 64 языках. Составители книги выразили благодарность казахскому поэту и переводчику К. Бакбергенову за организацию поэтических переводов на казахский (У. Есдаулет), курдский (Г. Хаджисулейман), уйгурский (Г. Аутова), корейский (Ким Бён Хак) и другие языки.

Своеобразие литературного альманаха в том, что на его страницах стихотворения Сагингали Сеитова «Моя анкета», «Минск», «Константин Заслонов» и другие опубликованы на казахском и белорусском языках (в переводе В. Рагойши). Впервые они увидели свет на страницах книги переводной поэзии доктора филологических наук, профессора В. Рагойши «Вочы ў вочы, мыслі ў мыслі», которая включает переводы из украинской, сербской, хорватской, словацкой, боснийской, литовской, грузинской, казахской литератур. Казахского и белорусского поэта

¹ Дербисали, А. Слава Востока — Абу Наср аль-Фараби // Казахстан — Беларусь : Литературный альманах. — Алматы : Жибек Жолы, 2020. — С. 434.

² Ауэзов, М. Аль-Фараби // Казахстан — Беларусь : Литературный альманах. — Алматы : Жибек Жолы, 2020. — С. 441.

³ Есдаулет, У. Питающие нас истоки // Казахстан — Беларусь : Литературный альманах. — Алматы : Жибек Жолы, 2020. — С. 13.

⁴ Саверченко, И. Франциск Скорина — культовая личность национальной литературы // Казахстан — Беларусь : Литературный альманах. — Алматы : Жибек Жолы, 2020. — С. 445.

связывала личная дружба. Многие факты из истории культурных связей осветил в статье «Извечной дружбы летопись» В. Рагойша, выражая уверенность в том, что современный этап нашего литературного сотрудничества активизирует контакты, переводы, новые издания. И как пример называет коллективную монографию Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова «Международные связи казахской литературы в период независимости», изданную, как и первый литературный альманах, издательским домом «Жибек Жолы». Впервые в научной монографии опубликован раздел о казахско-белорусских литературных связях⁵. Коллективный труд компаративного плана презентован в Минске в дни работы форума «Казахстан — Беларусь: опыт гуманитарного сотрудничества и сохранения межнациональной стабильности» осенью 2010 года.

Проводимые в Минске по инициативе Посольства Республики Казахстан в Беларуси «Казахстанско-Белорусские форумы культурологов и писателей» в 2008—2012 годах активизировали контакты и явились исходной точкой для многих новых инициатив. Выступая на первом Форуме писателей и культурологов «Культурное наследие в диалоге традиций» в Минске, в сентябре 2008 года лауреат Государственной премии Республики Беларусь Микола Метлицкий отметил важность и ценность того, чем мы наполним наши литературные отношения, как выстроим диалог, уважая свои национальные корни.

В журналах «Простор» и «Нёман» представлены рубрики «Содружество» и «“Сябрына”: литература стран СНГ». В № 8, 2009 журнала «Нёман» «Сябрына...» открывается статьей А. Карлюкевича «Солнце Абая и Купалы»: «В дружбе, согласии, уважении друг к другу и жить становится легче. Понимая это, и «Нёман», журнал, известный некогда на всем пространстве Советского Союза, обретает новых друзей, восстанавливает связи со старыми. Публикация переводов казахской поэзии и прозы — хорошее тому подтверждение». В рубрике белорусского журнала опубликованы поэзия и «Слова назидания» Абая, глава из романа М. Ауэзова «Путь Абая» — «Абай. Возвращение», поэтическое творчество Н. Оразалина, Ж. Дарибаевой, И. Оразбаева, Б. Искакова, М. Макатаева, В. Михайлова. О новом переводе романа М. Ауэзова «Путь Абая» пишет Л. Шашкова, с Г. Бельгером беседует Е. Зейферт. В № 9, 2009 журнала «Простор» рубрика «Содружество литератур» открывается статьей Л. Шашковой «Пути взаимного сближения». Читатель имеет возможность познакомиться с творчеством А. Карлюкевича, М. Метлицкого, Н. Ветошевич, И. Чароты.

Новым импульсом наполнения межкультурных контактов современным контентом стал Международный круглый стол «Художественная литература как путь друг к другу», который проводится в Беларуси в рамках Дня белорусской письменности с 2007 года. Его постоянными и активными участниками на протяжении уже более десяти лет являются поэты, писатели, литературоведы, издатели Алматы и Астаны. Беларусь посетили О. Сулейменов, М. М. Ауэзов, А. Ким, Л. Питаленко, А. Цеховой, К. Мамсуров, А. Войцеховский, В. Михайлов, У. Калижанов, Б. Мамраев, Р. Маженкызы, С. Абдулло, Г. Кан, Е. Исмаилов, О. Жанайдаров, З. Сейсенова, Б. Оспанова, К. Бакбергенов, М. Нарibaев, У. Муналбаева, А. Наурызбаева, А. Юсупова, Э. Какильбаева, И. Костина, Е. Зейферт, Н. Курпякова, К. Сарсенова, Р. Жуманова, М. Буланов. Выступления литературоведов,

⁵ Ананьева, С. Казахско-белорусские литературные связи // Международные связи казахской литературы в период независимости / Отв. редактор Ш. Елеукенов. — Алматы : Жибек Жолы, 2008. — С. 322—373.

писателей из Казахстана по актуальным проблемам литературоведения и художественного перевода не только запомнились белорусским коллегам, но и стали истоками новых инициатив.

В журналах «Простор», «Жүлдыз», «Керуен», «Мөлдірбұлақ», «Ақжелкен», в газете «Қазақәдебиеті», в альманахе «Литературная Алма-Ата» публикуются переводные тексты современных белорусских авторов В. Шнипа, В. Казакова, А. Карлюкевича, А. Бадака, Е. Стельмах и других. В аспекте современной герменевтики художественный текст ждет правильного понимания и верной интерпретации как специалистами литературоведами, так и читателями. Художественное произведение может быть прочитано и истолковано в зависимости от целей и установок исследователя в контексте теории открытой системы и предпочтений читателей разных возрастов.

Важен опыт переводов современной белорусской прозы на казахский язык У. Тажкен, на русский язык с белорусского — Л. Шашковой (поэмы Янки Купалы и А. Бадака, прозы Н. Мицкевич, стихотворений М. Метлицкого). Художественный перевод сегодня позиционируется как «операция сотрудничества, содействия различных кодов, трансформационный процесс перекодировки воспринятого в одной культуре, литературе и перенесении его путем «перевода — парафраза — пересказа» в другую культуру, литературу»¹.

Хороший переводчик «знает все о переводимой им книге, об отраженной в ней жизни народа, его культуре и быте...»². Именно в Минске Посольством Республики Казахстан в Республике Беларусь и Международным фондом М. Ауэзова проведена презентация нового перевода на русский язык романа-эпопеи М. Ауэзова «Путь Абая», где о сути ауэзовского наследия, перешагнувшего государственные и временные границы нового XXI века, говорили президент фонда М. М. Ауэзов и переводчик эпопеи А. Ким. Отрывком из перевода и стихами О. Сулейменова открывался сборник произведений писателей Беларуси и Казахстана «Не ведая границ», представивший белорусским читателям произведения М. Макатаева, А. Кекилбаева, Ф. Онгарсыновой, К. Мырзалиева, К. Искакова, О. Бокеева и других мастеров слова.

Участником многих мероприятий самого высокого уровня в Беларуси был председатель Белорусского регионального культурного центра, депутат Мажилиса Парламента Республики Казахстан, известный педагог и организатор науки Л. Питаленко. В его жизнь вошли великая казахская степь, богатая история и культура казахского народа «запахом полыни, мелодиями великого Курмангазы, философской поэзией и «Словами назидания» выдающегося мыслителя, философа Абая Кунанбаева»³.

У каждого свой личный творческий опыт, свои представления о месте художника слова в отношениях с читателем, обществом. Литературное и научное сотрудничество наших стран характеризуется особой динамикой развития. Материалы о современном периоде казахско-белорусских литературных связей обобщены и проанализирова-

¹ Земсков, В. Сравнительное литературоведение и история мировой литературы // Вопросы литературы. — Май-июнь 2016. — С. 285.

² Влахов, С., Флорин, С. Непереводимое в переводе. — М. : Международные отношения, 1980. — С. 154.

³ Питаленко, Л. Узы нашего братства // Казахстан — Беларусь : Литературный альманах. — Алматы : Жибек Жолы, 2020. — С. 121.

ны директором Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова К. Матыжановым⁴. Традиции многообразных культурных и литературных связей выходят, безусловно, на современном этапе на новый уровень, становясь разнообразнее и разновекторнее, что и подтверждают публикации в альманахе.

Межлитературные связи, что сложились в последнее десятилетие между Беларусью и Казахстаном, — яркий пример для других стран. Литературный процесс Казахстана и Беларуси — понятие многослойное, подобное реке времени. Композиционно в литературном альманахе «Казахстан — Беларусь» представлены рубрики «Поэзия», «Стихи по кругу», «Проза», «Публицистика», «Литературоведение». На казахском и белорусском языках опубликованы стихотворения Абая Кунанбаева в переводе М. Метлицкого, С. Сеитова в переводе В. Рагойши, Н. Оразалина в переводе М. Метлицкого, М. Метлицкого в переводе Г. Жайлыбая и Ж. Кулиева, Г. Жайлыбая в переводе А. Шостака. На белорусском и русском языках — поэтические произведения Янки Купалы в переводе Л. Шашковой, О. Сулейменова в переводе М. Метлицкого, А. Бадака в переводе Л. Шашковой, Б. Канапьянова в переводе М. Метлицкого, Н. Кучмель, Н. Черновой в переводе В. Радунь, В. Шнипа в переводе И. Котлярова, Л. Шашковой в переводе М. Метлицкого. Интерес для специалистов по сравнительному литературоведению и для читателей Казахстана и Беларуси представляет рубрика альманаха «Стихи по кругу»: «Слова» У. Есдаулета (на белорусском языке в переводе П. Жолнеровича), «Песни Абая» М. Метлицкого (на русском языке в переводе Л. Шашковой), В. Михайлова (на белорусском в переводе Ю. Алейченко), Н. Гальперовича (на казахском в переводе Б. Сарсенхана), Б. Каирбекова (на белорусском в переводе Л. Хейдаровой), В. Гордея (в переводе на казахский Н. Нургазы), А. Бадака (на казахском в переводе Б. Сарсенхана), А. Елгезека (на белорусском в переводе Н. Кучмель), Т. Сивец (на казахском в переводе Б. Сарсенхана), Л. Шашковой (в переводе на белорусском Т. Сивец).

«Земная баллада о космосе» Б. Канапьянова посвящена Ч. Айтматову.

Где эта станция?

Где эта станция?

— Там.

Как зовется она?

«Тюре-Там» — говоришь?

«Тюре-Там».

И солнцем палима

и пламенем

мощным ракет

земля,

что на карте

в желтый

окрашена цвет⁵.

⁴ Матыжанов, К. Қазақ-белорус әдебибайланысы // Казахстан — Беларусь : Литературный альманах. — Алматы : Жибек Жолы, 2020. — С. 132—136.

⁵ Канапьянов, Б. Земная баллада о космосе // Казахстан — Беларусь : Литературный альманах. — Алматы : Жибек Жолы, 2020. — С. 74.

Виктор ЕРМАЛОВИЧ

О книге нужной и своевременной

Рецензия на книгу Михаила Позднякова
«Выход всегда есть, или Письма из прошлого»

С таким названием «Выход всегда есть, или Письма из прошлого» в текущем году в издательстве «Четыре четверти» вышла книга прозы белорусского писателя Михаила Павловича Позднякова, которого я достаточно давно знаю как известного поэта не только в Беларуси, но и за ее пределами. Не скрою, что мне, прозаику и публицисту, было интересно, как он покажет себя в жанре прозы.

Прочитав его первую повесть «Выход всегда есть...», сразу взялся за вторую, а затем и за третью. И понял, что автор не только владеет богатым литературным языком, но и умеет донести главную идею произведения до читателей, причем от юных школьников до представителей старшего поколения.

Автору удалось не только раскрыть образ главного героя повести — нашего соотечественника, белоруса, летчика Василия Зыкова в суровые годы Великой Отечественной войны, но и посредством других персонажей отразить лучшие черты белорусского народа, победившего фашизм.

Начинается повесть с описания трех советских самолетов-бомбардировщиков, атаковавших немецкую танковую колонну в районе белорусского города Березино в последний день жаркого июня 1941 года. Целью данной атаки было задержать быстрое продвижение врага и дать советским воинам возможность окопаться и занять оборону за рекой Березиной. Советские летчики выполнили поставленную задачу. Немецкие войска понесли значительные потери, их движение было приостановлено на некоторое время. Однако достичь этого удалось дорогой ценой. Возвращаясь на свой аэродром, истратив весь боекомплект на врага, тихоходные советские самолеты-бомбардировщики были атакованы скоростными немецкими истребителями и расстреляны в воздухе. Из состава трех экипажей чудом спасся только командир звена, капитан Зыков, который, выпрыгнув с парашютом, был ранен в ногу вражеской пулеметной очередью.

Наталия КОСТЮЧЕНКО

Без назидания и иронии

Рецензия на книгу Тамары Ковальчук «Доброе сердце»

Книга Тамары Ковальчук «Доброе сердце» (издательство «Звезда», 2024 год) — это сборник историй из жизни детей среднего школьного возраста. Сюжеты рассказов невероятно просты, почти банальны — мальчики и девочки в возрасте где-то между четвертым и восьмым классом учатся совершать добрые поступки: высаживать деревья, кормить птиц, защищать слабых...

Тамара Ковальчук не из тех писателей, которые, обращаясь к детям, стремятся к эффекту неожиданности и парадоксальности. Предлагаемые юному читателю истории — жизненные. Автору веришь. Стиль повествования очень простой и понятный, поэтому рассказы легко читаются.

«Маринка больше всего на свете любила Новый год. Любила его за украшенные улицы, нарядные елки, карнавал сказочных

героев и накрытый мамой праздничный стол. Каждый раз она ждала его с большими надеждами, загадывая самые невероятные желания. Еще за месяц до праздника писала письмо Деду Морозу и отправляла по почте на Крайний Север. И всегда получала то, что просила.

В этом году ей исполнилось девять лет. Вроде бы и большая, и в сказки не очень верила, а вот подарков от Деда Мороза ждала...» — так начинается рассказ «Новогоднее счастье».

Рассказы небольшие, в них нет лишних многословных отступлений, они словно наполнены живостью и энергией маленьких героев.

Важно отметить и то, что для каждой истории характерна художественная завершенность.

Ощущается, что писательница, оценивая своих персонажей, старается разобраться в их поступках с позиции взрослого. Однако, хотя читатель и чувствует перо взрослого рассказчика, в повествованиях налицо отсутствие назидательного тона и ироничных замечаний. Поступки положительных героев диктуются исключительно добрым сердцем.

ПРАВДИН Виктор Александрович. Родился в 1955 году в городе Лида Гродненской области. Окончил Высшую школу МВД СССР. Автор ряда книг прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

СПРИНЧАН Вадим Брониславович. Родился в 1950 году в Гомеле. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик. Автор поэтических сборников «Земля и звезды», «Свет неделимый» и др. Работал заведующим редакцией поэзии в издательстве «Мастацкая літаратура», заведующим отделом поэзии журнала «Полымя». Живет в Минске.

СТЕЛЬМАХ Елена Анатольевна. Родилась в 1965 году в деревне Новосады Дзержинского района Минской области. Окончила факультет журналистики Белорусского государственного университета, Академию управления при Президенте Республики Беларусь. Поэт, прозаик, публицист, детский писатель. Автор книг для детей «Дуб і крум-кач», «У гасцях у Францыска Скарыны» и др. Награждена медалью Франциска Скорины (РБ) и золотой медалью Василия Шукшина (РФ). Заслуженный журналист Белорусского союза журналистов. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Первый заместитель Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.

ПОЛИКАНИНА Валентина Петровна. Родилась в 1958 году в городе Кричеве Могилевской области. Окончила Белорусский государственный университет. Автор 18 книг поэзии, прозы, публицистических материалов, переводов, стихов для детей. Лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации «Художественная литература», Национальной литературной премии Беларуси, премии Федерации профсоюзов Беларуси и других литературных премий и конкурсов. Награждена медалью А. С. Пушкина (РФ) и медалью Франциска Скорины (РБ). Живет в Минске.

ЖДАН-ПУШКИН (ПУШКИН) Олег Алексеевич. Родился в 1938 году в городе Смоленске (Россия). Окончил историко-географический факультет Могилевского педагогического института и Литературный институт имени А. М. Горького (Москва). Прозаик, драматург, переводчик. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

ЧЕРТОПОЛОХОВА Наталья Эдуардовна. Родилась в 1972 году в городе Слониме Гродненской области. Окончила Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Имеет публикации в белорусских и российских СМИ и коллективных сборниках. Преподает в ГУО «Слонимский районный центр творчества детей и молодежи». Живет в городе Слониме.